

RU

Средства когезии в текстах бурятских сказок

Цырендоржиева Б. Д.

Аннотация. Цель исследования - выявить специфику использования средств когезии в текстах бурятских сказок; определить особенности их функций и семантики. Научная новизна заключается в том, что изучается взаимодействие средств связности на материале текстов бурятских сказок. Кроме того, впервые к текстам бурятских сказок применена классификация видов связи американских лингвистов М. Хэллидея и Р. Хасана. В результате исследования было выявлено, что средства связности в бурятском языке могут одновременно выполнять несколько текстовых функций, выражать коммуникативные намерения персонажей, иметь закрепленные функции для установления анафорической, катафорической связи в тексте.

EN

Means of Cohesion in the Buryat Folk Tales

Tsyrendorzhieva B. D.

Abstract. The research objectives are as follows: to reveal semantics and functions of connecting elements in the Buryat language, to identify peculiarities of their functioning in the Buryat folk tales. Relying on the classification of cohesion types developed by the American linguists M. Halliday and R. Hasan, the author analyses connecting elements interaction in the Buryat folk tales, which constitutes scientific originality of the study. As a result, it is shown that in the Buryat language, means of cohesion can perform different textual functions, often express personages' communicative intentions, usually serve to establish anaphoric/cataphoric relation.

Введение

Актуальность исследования. К текстам, в которых наиболее ярко проявляется национальная самобытность каждого народа, в первую очередь относятся фольклорные тексты. Среди них особое место занимают тексты сказок, в которых отражаются образы национальных героев, типичные сюжеты, образы животных, передающих определенные качества человека и т.д. Несмотря на то, что сказки народов мира, как правило, транслируют общечеловеческие ценности, имеют повторяющиеся универсальные сюжеты, можно утверждать, что именно сказки участвуют в формировании этнической идентичности детей, поскольку тексты сказок отражают народную мудрость, его многовековой опыт, знания о мире и т.д. В этом отношении анализ текстов бурятских сказок как одного из образцов зафиксированной устной речи бурят представляется актуальным и особо важным для подрастающего поколения народа. Какова специфика функционирования языковых средств, используемых для организации текста бурятской сказки? Поиск ответа на этот вопрос является целью написания настоящей статьи. При этом в качестве материала исследования были выбраны тексты сказок из книги для внеклассного чтения для обучающихся начальной школы, в которую отобраны и методически организованы лучшие образцы детского бурятского фольклорного текста. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач: выявить используемые средства когезии в текстах бурятских сказок; выделить особенности их функционирования и семантические характеристики. В работе были использованы следующие методы исследования: функционально-семантический и контекстуальный анализ.

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных исследователей по лингвистике текста, в том числе по текстообразующим факторам, по структурному анализу текста (Т. М. Николаева [7], И. Р. Гальперин [2], О. И. Москальская [6], З. Я. Тураева [10], К. А. Филиппов [11], Г. Я. Солганик [8], В. Дресслер [4], М. Хэллидей, Р. Хасан [12] и др.).

Материалом исследования послужили тексты фольклорных сказок из книги для внеклассного чтения учащихся начальных классов бурятской школы [1].

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в методике преподавания бурятского языка для развития умений продуктивной речевой деятельности обучающихся

как в детском саду, так и в школе, а также в вузе при подготовке учителей бурятского языка и литературы в курсах по «Лингвистике текста», «Теории и методике преподавания бурятского языка» и т.д.

Классификация средств связности текста в лингвистике

Согласно одному из классических определений понятия «текст» его неотъемлемыми свойствами общепризнаны связность и цельность [5, с. 507]. При этом текстовые категории цельности (целостности) и связности характерны для текстов любого языка и могут именоваться лингвистами по-разному, например категории когезии, когерентности текста [4]. Однако суть их остается неизменной, целостность (цельность, когерентность) текста характеризует, как правило, смысл, план содержания текста, тогда как связность (когезия) относится к плану выражения содержания текста. Таким образом, целостность текста представляет собой содержательную категорию, которая «задается целью речевого высказывания / речевой деятельности автора и выражается в законченности содержащейся в нем мысли, которая соотносится с той или иной ситуацией действительности (реальной или ментальной), что находит выражение в соответствующей структуре/организации текста и его речевом выражении» [9, с. 42]. Исходя из этого определения целостности текста ясно, что когезия и когерентность не две противопоставленные друг другу категории, а категории, которые отражают свойства одного объекта исследования – текста.

Вместе с тем лингвистами принято выделять средства связности текста, которые отражают «работу» в тексте уровней средств, таких как фонетические, лексические, грамматические средства межфразовой связи (О. И. Москальская, З. Я. Тураева, Г. Я. Солганик и др.). В соответствии с другим подходом к классификации средств связности рассматривается их функционально-семантическая сторона – референция, пространственно-временной континуум, ситуативность и т.д. (Р.-А. де Богранд, В. Дресслер). Вслед за петербургской лингвистической школой по анализу и интерпретации текста К. А. Роговой попробуем применить классификацию средств межфразовой связи американских ученых-лингвистов М. Хэллидея и Р. Хасана к текстам бурятских сказок. Ими выделяется пять видов связи, которые организуют текст в единое содержательное целое: референция, субституция, эллипсис, конъюнкция, лексическая связность.

Анализ функционирования средств связности в текстах бурятских сказок

Как показывает анализ языкового материала, в текстах бурятских сказок референциальная связь является достаточно активно используемым средством когезии. Наиболее часто встречается использование личных местоимений 3 лица единственного и множественного числа *тэрэ* 'он, она' и *тэдэ* 'они', которые заменяют тех или иных персонажей сказки.

(1) *Тангагархан эшэгэнһээшни һурааб. Тэрэшни эхэмни шодогор һүүлтэй, шоро хоёр хутагатай гээ.* / Спросил у твоего резвого козленка. **Он (твой)** сказал, что у его матери есть короткий хвост и два острых ножа (сказка «Тангагархан эшэгэн» / «Резвый козлёнок» [1, с. 8]).

(2) *Урда сагта нэгэ хүн хара гүрөөһэнтэй нүхэсөөд, сугтаа ажаллаа гэжэ хөөрэлдэбэ ха. Тэдэнэр түрүүшын жэлдэ хартаабха тариба.* / В давние времена один человек подружился с медведем (зоол. терм. «бурый медведь», букв. «с черной косулей») и договорился с ним работать вместе. В первый год **они** посадили картофель (сказка «Хүн хара гүрөөһэн хоёр» / «Человек и медведь» [Там же, с. 19]).

В примерах (1), (2) представлены типичные, универсальные для многих языков примеры идентифицирующей референции, когда *тэрэ*, *тэдэ* указывает на персонажей *эшэгэн* 'козленок', *хүн* и *хара гүрөөһэн* 'человек и медведь', известных и говорящему, и слушающему, выполняя тем самым анафорическую связь между субъектами повествования сказки.

Однако в случае (1) выявлено специфическое использование местоименных форм. Поскольку *тэрэшни* буквально переводится как 'он-твой', мы наблюдаем пример использования в тексте сказки так называемого двойного дейксиса, когда *тэрэ* соотносится с *эшэгэн* в предыдущем контексте, а аффикс личного притяжания *-шни* отсылает адресата к действующему лицу сказки *эшэгэнэй эхэ* 'мать козленка'. В этом случае аффикс *-шни* показывает то, что персонаж *шоно* 'волк' сокращает социальную дистанцию между собой и слушающим *эшэгэнэй эхэ*, хочет установить доверительные отношения с ним, перейти из разряда «чужой» в категорию «свой» и выражает это с помощью аффикса *-шни*, значение которого нейтрализуется и выражает сему «близость отношений» [13]. Дейктические элементы *тэрэ* и *-шни* указывают на предмет речи в предыдущем контексте (*тэрэ*), ориентируют слушающего в намерении говорящего (в данном случае – персонажа волка) установить доверительность в разговоре с персонажем мамой козленка (*-шни*).

Дейктический элемент *-шни* вызывает интерес еще и тем, что в предыдущем фрагменте текста этой сказки волк обращается к этому же персонажу – матери козленка – с вопросом «*Тангагархан эшэгэнэй эхэ та гүт?*» 'Вы ли мать резвого козленка?'. Другими словами, разговор с матерью козленка – *эшэгэнэй эхэ* – начинается с высказывания, которое построено по всем канонам начала общения с незнакомым собеседником: во-первых, идет уважительное обращение к собеседнику на 'вы', во-вторых, мы видим вежливое обращение к собеседнику, оформленное полной формой вопроса. Иными словами, в начале диалога соблюдается этикетная фраза вежливого обращения к собеседнику. Тем интереснее переход в следующих репликах волка – *шоно* – в обращении к собеседнику на 'ты': *тэрэшни* – он (твой), *шмайе* (*эдихез ерээб*) – тебя (съесть пришел). В данном диалогическом

тексте смену обращения к собеседнику *та* 'вы' на *ши* 'ты' можно объяснить определенной коммуникативной стратегией волка, которая ему необходима для достижения цели – съесть мать козленка.

Анализ использования местоименных форм в качестве средства референции в текстах бурятских сказок выявил еще одну особенность их употребления. Рассмотрим следующий пример.

(3) *Тиигэжэ байтарнь хабхаанай эзэн номо хаадагаа арадаа үргэлөөд ерэбэ. Тэрэ үхэнэн үнэгэ хараад, ехэ байрлажа, моринхоо буугаад, үнэгэнэй хүлые хабхаанһаа гаргаба.* / В это время пришел хозяин капкана, у которого на спине висели лук со стрелами. Увидев умершую лисицу, он очень обрадовался, сошел с коня и вытащил ногу лисицы из капкана (сказка «Гурбан ан» / «Три зверя» [1, с. 18]).

В этом примере наглядно проглядывает выполнение функций личного местоимения 3 лица указательными местоимениями [3, с. 140]. Местоимение *тэрэ* можно интерпретировать в этом случае по-разному: в первом варианте *тэрэ* можно определить как местоимение 3 лица 'он' (как показано в переводе примера). Однако это же местоимение можно перевести как указательное местоимение 'та' – 'Увидев **ту** умершую лисицу, очень обрадовался, сошел с коня и вытащил ногу лисицы из капкана'. При звучании устного повествования сказки можно легко определить, что выражает в устах рассказчика *тэрэ* – 'он' или 'та'. Как правило, в случае использования личного местоимения после *тэрэ* в речи должна быть небольшая пауза. Тогда как в случае использования *тэрэ* в значении указательного местоимения 'та' такой паузы быть не может.

Средствами референции могут выступать не только местоименные формы, но и слова со значением количества или качества. В текстах бурятских сказок обнаруживаются подобные случаи, особенно использование слов со значением количества.

(4) *Хоёр хэршэмэг мяха хараад, үнэгэн эжы уйлаба. Тиигээд хоёр хэршэмэг мяхаа улхархайдаа хээд, шонын мурөөр ошобо ха.*

Мүрынь мүшөөд ябажа ябаһаар, нүхэ руу унашаба. Тэрэ нүхэн соонь эшэгэдыень эдихэн шоно һуужа байба. Нэгэ хэды һууд гээд, үнэгэн нэгэ нюдэнһөө мяха абаад эдинэ. Баһа нэгэ хэды һуугаад, нүгөө нюдэнһөө мяха абаад эдибэ. / Увидев **два** кусочка мяса, мама-лисица заплакала. Затем положила **два** кусочка мяса на глазницы и пошла по следу волка.

Пока шла по его следу, упала в яму. В той же яме сидел волк, съевший ее козлят. Немного посидев, лисица съела мясо с **одной** глазницы. Посидев еще некоторое время, сняла и съела мясо с **другой** глазницы (сказка «Үнэгэн эжы» / «Мать-лисица» [1, с. 18]).

В этом микротексте референция проявляется в употреблении слов *нэгэ* 'один', *нүгөө* 'другой', которые замещают числительное *хоёр* 'два' из предыдущего контекста.

Субституция как один из видов когезии встречается в текстах бурятских сказок часто. В большинстве обнаруженных нами случаев это обозначение слов, ранее упомянутых в тексте, с помощью других, схожих по значению слов или сочетаний: *шоно* 'волк' заменяется на *нэгэ боро юумэн* 'некто серое', *үнэгэн, шоно, хирээ* 'лиса, волк, ворона' замещается *гурбан ан* 'три зверя' и т.д.

В использовании субституции обнаружен один пример, который также демонстрирует специфику использования языковых средств для выражения связности текста.

(5) *Нэгэтэ тэрэ шигэжэ дуулаба:*

Боорин ногоо жажалха

Боро хүхэ эшэгэтэйб...

Үнэгэн эжын тшигэжэ дуулахыень шоно шагнаад... /

Однажды она спела **так** (букв. 'этак'):

«Есть у меня серый козленок,
который будет пастись у подножья горы...»

Волк, услышав, что лисица-мать поет **так**...

(сказка «Үнэгэн эжы» / «Мать-лисица» [Там же, с. 12]).

В этом примере обращает внимание использование слов *шигэжэ* 'этак, так', *тшигэжэ* 'так'. В случае, когда употреблено слово *шигэжэ*, оно направляет внимание читателя на последующий контекст, т.е. у этого слова катфорическая функция, слушающий находится в ожидании песни, которая должна последовать за этим высказыванием. Тогда как у слова *тшигэжэ* 'так' функция обратная – анафорическая, оно отсылает адресата к песне, которую исполняла лисица-мать в предшествующем контексте. Здесь наблюдается распределение функций между словами *шигэжэ* и *тшигэжэ* для того, чтобы ориентировать слушающего в поступающей информации.

Тип связи эллипсис, когда пропущенные части структуры высказывания легко восполняются [11, с. 121], легко обнаруживается в текстах бурятских сказок. Практически во всех бурятских текстах встречаются диалогические тексты, в составе которых наблюдаются случаи использования средства когезии – эллипсиса.

(6) – *Тангагархан эшэгэнэй эхэ та гүт? – гэжэ шоно һурана.*

– *Билби даа, – гэнэ тэрэнь. /*

– Вы мать резвого козленка? – спрашивает волк.

– Я, – говорит она (сказка «Тангагархан эшэгэн» / «Резвый козлёнок» [1, с. 8]).

Вместе с тем встречаются случаи, когда в кумулятивных сказках опущены целые действия, небольшие фрагменты, которые можно легко вывести из контекста повторяющегося сюжета. Эти случаи, на наш взгляд, требуют отдельного детального рассмотрения.

Что касается конъюнкции как одной из разновидностей когезии, то это одно из активных средств связности, а также средств продвижения информации в тексте [14]. При этом языковыми средствами конъюнкции

чаще всего выступают слова местоименного происхождения, по функции схожие с союзными словами *тшигэжэ* 'так, таким образом', *тшигэдэнь* 'в таком случае, тогда' (букв. 'когда так сделал'). Можно сказать, что они выполняют одновременно две функции: во-первых, замещают, сжимают информацию целых предложений, зачастую и целых фрагментов текста, во-вторых, являются коннекторами, связующими между собой предложения, а также части текста. В текстах бурятских сказок активно используется коннектор *тшигээд* 'потом', слово местоименного происхождения, перешедшее в разряд союзного слова.

Наиболее распространенным средством когезии в бурятских текстах, в том числе и в текстах сказок, является лексическая связность. При этом из разных подвидов связи, таких как повтор слов, словосочетаний, синонимов, антонимов, достаточно частотным в текстах сказок является именно лексический повтор. В случае если в тексте сказки несколько персонажей, то, как правило, обозначение каждого героя повествования осуществляется с помощью повтора. Подобный пример наблюдается в тексте сказки «*Шоно, бара, хоёр хүлтэй хүймэлдөөн*» 'Волк, тигр, человек'. В тексте этой сказки два основных героя в тексте каждый раз обозначаются только как *шоно* 'волк', *бара* 'тигр'. Более того, нет ни одного случая в тексте сказки, когда они были бы замещены средствами референции – личными местоимениями. Единственное средство местоименного происхождения, которое встречается при описании героев (*барань* 'тигр'), действий (*харан гэхээн* 'когда (они) увидели'), предметов (*энэши* 'это'), – это аффиксы личного притяжания, основное значение «выражение принадлежности» которых в большинстве случаев нейтрализовано.

Заключение

Таким образом, подводя итог, мы приходим к следующим выводам. В текстах бурятских сказок функционируют все средства когезии, выделенные М. Хэллидеем и Р. Хасаном. Вместе с тем осуществление связности в бурятском тексте имеет свои специфические особенности с точки зрения функций и семантики:

- при использовании местоимений в качестве средства референции наблюдаются случаи двойного дейксиса, когда наряду с личным местоимением в референциальную связь включаются одновременно аффиксы личного притяжания, где каждое дейктическое средство выполняет отдельную текстовую функцию;
- референциальную связь в текстах бурятских сказок осуществляют соотносительные слова со значением количества;
- в диалогических текстах с помощью средств референции (местоимения, аффиксы личного притяжания) выражаются коммуникативные стратегии персонажей, а также в диалогах активно используются эллиптические средства когезии;
- при использовании субституции выявлены случаи распределения функций отдельных слов для установления либо катафорической, либо анафорической связи;
- средства выражения конъюнкции в большинстве случаев выполняют в текстах одновременно две функции: являясь средством продвижения информации в тексте, во-первых, могут замещать содержание фрагментов текста, во-вторых, связывать между собой предложения, части текста, т.е. выступать в качестве коннекторов;
- лексический повтор является одним из активно используемых средств когезии в тексте бурятской сказки, однако наблюдаются случаи, когда он без использования средств референции становится основным средством обозначения персонажей в тексте, что позволяет слушающему лучше ориентироваться в действиях персонажей, особенно в случае активного чередования их действий;
- при использовании в письменном тексте личных и указательных местоимений встречаются случаи, когда невозможно определить их разряд, различение значения возможно только при устном пересказе при соблюдении ритмико-интонационных параметров текста.

В целом можно отметить, что текст бурятской сказки организуется с помощью универсальных средств связи, таких как средства референции, лексический повтор, эллипсис. Однако реализация каждого из видов связности имеет характерные для бурятского текста средства организации, которые, в свою очередь, определяются актуализируемыми в той или иной ситуации языковыми единицами. Средства когезии, такие как субституция и конъюнкция, имеют в бурятском языке ярко выраженные отличительные семантические характеристики, работающие на уровне текста.

Как известно, одной из функций языка является выражение наших знаний о мире, находящемся вокруг нас и внутри нас, что отражается в лингвистической системе, а также в текстах, в первую очередь древних текстах, образцами которых для каждого народа являются тексты сказок, передающиеся из поколения в поколение и являющиеся своеобразным ключом к национальному самосознанию. Перспективы дальнейшего исследования структурной организации бурятского текста мы видим в выявлении специфичных языковых текстообразующих параметров, характерных для текстов различных жанров и стилей.

Источники | References

1. Бурятские улигеры / сост. В. Ш. Гунгаров, С. С. Бардаханова, Д. Ц. Бальжинимаев. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1985. 144 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

3. Грамматика бурятского языка: фонетика и морфология / отв. ред. Г. Д. Санжеева. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 340 с.
4. Дресслер В. Введение в лингвистику текста // Проблемы теории текста: реферативный сборник. М.: АН СССР; ИНИОН, 1978. С. 55-73.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1998. 685 с.
6. Москальская О. И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.
7. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. 479 с.
8. Солганик Г. Я. Стилистика текста: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 256 с.
9. Теоретические основания и принципы анализа: учебно-научное пособие / под ред. К. А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2011. 464 с.
10. Тураева З. Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
11. Филиппов К. А. Лингвистика текста: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 336 с.
12. Хэллидей М., Хасан Р. Когезия в английском языке // Исследования по теории текста: реферативный сборник. М.: ИНИОН, 1979. С. 108-115.
13. Цырендоржиева Б. Д. Современный бурятский язык: категория личного притяжания как средство межфразовой связи. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. университета, 2020. 154 с.
14. Цырендоржиева Б. Д. Структурно-семантические особенности организации текста бурятских сказок // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. № 4. С. 98-103.

Информация об авторах | Author information

RU**Цырендоржиева Баирма Дамбиевна¹**, к. филол. н., доц.¹ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ**EN****Tsyrendorzhieva Bairma Dambievna¹**, PhD¹ Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude¹ bairma_11@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): тексты сказок; средства когезии; функции и семантика; бурятский язык; texts of folk tales; means of cohesion; functions and semantics; Buryat language.